

Мурад Бектай

Легендарная
Безымянная
Моногатари

Начало

Мурат Бектай
Легендарная Безымянная
Моногатари. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344689

ISBN 9785448592683

Аннотация

Легенда о необычной судьбе мальчика средневековой Японии.
Первая книга из серии книг о событиях, предшествовавших эпохе
Мэйдзи.

Легендарная Безымянная Моногатарии Начало

Мурат Бектай

© Мурат Бектай, 2017

ISBN 978-5-4485-9268-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Похолодевшие дни, как напоминание о предстоящей зиме, не имели значения для меня, из-за суеты приготовлений в поместье, к отправке товара на продажу в столице, во время празднования осеннего сбора урожая.

От распорядителя поместья, услышал множество замечательных рассказов о столице и празднике сбора урожая, что я как замороженный, готов был слушать снова и снова рассказы. В поместье, не многие имели права входить во внутренний двор, в котором находился дом хозяина поместья, поэтому у меня был строго ограниченный круг общения. Из которого, только распорядитель поместья бывал в столице, и во многих местах о которых мне рассказывал, остальные жители и не знают ни чего кроме Эдо и поместья. Вот

расспросы отца о столице во время праздника сбора урожая, меня смутили, так как отец просто ответил, что это хорошее время для поиска учителей. Так как я хотел получить разрешение отца на поездку в столицу вместе с товаром на продажу и распорядителем поместья, а из его ответа, не понятно согласен ли он будет или нет. Поэтому с вопросами о празднике сбора урожая я обратился к матери, на что мама ответила: что она любит праздники цветения деревьев, символизирующие пробуждение природы от зимы, а праздник сбора урожая напоминание о предстоящей зиме, что навевает печаль. Оставшись с такими ответами, я жил надеждами на поездку в столицу, так как отрицательного ответа я не получил на свои вопросы, хоть и положительного тоже. Но все же, мои надежды разрушились через неделю, ночью меня разбудила мама и привела в комнату приемов, где уже находился отец и монах. Я поклонился при входе и отец знаком, позвал меня сесть рядом. Мама села поодаль возле входа, но так что ей будет слышно все, что будет сказано

Сев возле отца, я увидел лицо монаха, чуть моложе выглядевшего, чем мой отец, но по лицу монаха читалось сдерживаемое чувство тревоги и печали одновременно. На лице отца нельзя прочесть ничего, я сидел так не долго, рассматривая лица, пытаюсь прочесть эмоции и понять причину того что меня разбудили ночью, и впервые я вижу монаха так рядом. Тишину нарушил отец, сказав: что теперь я должен слушаться и почитать монаха как своего отца, и быть

сильным. Мне нужно сменить одежду, и передает мне, сложенную одежду. Знаком он дает мне понять, что переодеться мне нужно сейчас. После оба оценивающе посмотрели на меня, смутившись пристальных взглядов, я посмотрел на маму, которая сидела с опущенной головой. Потом отец продолжил говорить: что позже я пойму все сам, и монах будет помогать мне во всем, но сейчас не так много времени, и мне пора уходить вместе с монахом. Тревожное чувство нахлынуло на меня, но причины тревоги я так и не понял. Посмотрев на отца, у которого сейчас на лице, так же, не прочитать ни чего, я поклонился ему, то же самое проделал монах, и отец ответил нам поклоном, означавшее завершение сощещания, разрешавшее нам вставать. Мы с монахом встали, и направились к выходу, где так же, мама сидела с опущенной головой, было желание подойти к ней и обнять, но пришлось сдержанно идти к выходу. Выйдя за порог комнаты, я почувствовал взгляд матери, но нельзя оборачиваться если уходишь. Выйдя во двор, мы направились к воротам внутреннего двора, а после уже покидали внешние ворота поместья, чего в своей жизни я не делал. В этот момент я заметил, что не так темно как мне казалось, и предрассветное время быстро сменялось от темноватых силуэтов окружающего пространства не осталось и следа, наоборот, начинались проявляться, краски и на небе уже слабо видны звезды. Пройдя с монахом длительное время, спускаясь с каменистых холмов, где находилось поместье, мы подошли к рисо-

вому полю, где монах остановился, посмотрел вокруг и сказал: что сейчас, что бы ни происходило, мне придётся молчать и отвечать только жестами, а когда можно будет разговаривать, то он сам скажет. И спросил, понял ли я? На что я ответил кивком головы. Посмотрев на меня, он спросил, могу ли идти дальше, я так же ответил кивком. Удостоверившись в том, что я понял, он добавил: если я устану, то должен буду дать знать, и он понесет меня дальше на спине, так как, нам нужно будет идти весь день. И мы продолжили идти, по пути мы проходили мимо множества пустующих рисовых полей, означавших, что урожай уже собран, иногда проходили мимо садов с уже желтеющими местами листьями, но, все же, еще зелеными. Так в полном молчании мы шлю всю дорогу, до деревни, и пройдя до конца деревню, по широкой улице, мы дошли до ворот, зайдя в которые мы направились к дому, минуя дворик. Войдя в дом, монах нашел масляную лампу и на улице принялся разводить огонь, и потом горячей веткой он зажег лампы, которые нашел, их было всего три, оставив, меня с одной лампой и небольшим костром, он вошел в дом, позже вышел и позвал меня. Войдя в дом, я увидел две комнаты, одна большая, другая поменьше, между ними коридор, и в конце коридора еще дверь, выходящая на задний двор. Но то, что я заметил на каждой стене, так это бумажные обереги с рисунками и красивой каллиграфией. В комнате поменьше были приготовлены постели, но он позвал меня в большую комнату, где мы сели кушать, из еды

был вареный рис, дайкон и вода. Поев, мы легли спать.

Сон был беспокойным, но не помнил, что именно снилось, просто ощущение беспокойства не давало заснуть, часто пробуждаясь ночью, под утро я услышал монотонный звук молитвы доносящейся, откуда то не далеко, который меня быстро убаюкал и я провалился в сон. Который как мне показалось, тут же прервался, шумом голосов во дворе, и последующим входом в комнату солдат, самураев сёгуна, начавших осмотр комнат дома, по завершению осмотра, меня выволокли во двор. Где уже было много самураев возле ворот и вокруг двора, в центре двора на коленях сидел монах с опущенной к земле головой, позади него еще два монаха, так же, с опущенными к земле головами, слева, от них лежали два зарубленных тела монахов, а справа еще две мико. Меня силой дотащили до монаха в центре, и швырнули к монаху. Свалившись с ног, я сел на колени возле монаха и склонил голову к земле. Мы просидели так не долго, в ворота вошли несколько людей, один из которых приблизился к нам, и позвал старшего группы самураев к себе, как старший самурай подошел к человеку, он поклонился с уважением и попросил разрешения говорить. Человек ответил поклоном на поклон, как того требуют приличия, но без чрезмерного старания. Так же, разрешил старшему самураю начинать говорить. Старший самурай принялся рассказывать: что устранение заговорщиков проведено успешно, потерь среди солдат не много, ввиду не многочисленности оборо-

няющихся. К сожалению, внутренний двор в поместье вместе со строениями сгорел, потушить пожар не представлялось возможным, потому что отсутствовала вода. На внешние строения поместья, пожар не перекинулся, и они сохранились без повреждений. Как выяснили, жители поместья не имели колодца, воду доставляли в ручную из источника ниже и использовали дождевую воду. Из обгоревших тел найдено одно тело ребенка, шесть тел женщин и восемь мужских тел. По телам можно определить хозяина поместья, его жену и сына. Остальные вероятно прислуга и охрана. Из выживших жителей поместья, осталось 17 человек, они ожидают в поместье. Последние кто посещал поместье, эти двое. Указывая на нас, продолжил: вот это отец с сыном, покинули поместье вчера утром, вот документы, найденные при нём, а так же, вот документы, на остальных монахов и мико, еще вот документы на этот дом с землей, от господина из поместья, а эти оказали сопротивление – указывая на зарубленные тела. Жители деревни, видевшие в этих двоих вчера, ожидают снаружи, ни чего добавить они не могут. Склады не пострадали от пожара, так как находились во внешней части поместья, прошу прощения, но все, что находилось внутреннем поместье, сгорело. Это все, прошу прощения, и после слов склонил голову, протянул руки с документами, после передачи документов, он выпрямился и встал рядом.

Приняв документы, быстро ознакомился с ними, бегло прочитав их. Потом повернулся к старшему группы самура-

ев, начал говорить: Так, хорошо выполнили работу, жаль, что сгорела внутренняя часть поместья, но отсутствие воды оправдывает вас, вашей вины здесь нет. По поводу выживших жителей, ни кого из поместья не оставлять в живых, так как они заговорщики против даймё и сёгуна. Ожидающих жителей деревни, можешь отпускать, возвращайся в поместье и займись перевозкой товаров со складов. Это всё, можешь отправляться.

И все самураи покинули двор дома, кроме личной охраны человека. Человек подошел ближе к монаху, и сказал: я, советник сёгуна Эдо, можешь рассказать кто ты и откуда, за чем посещал поместье? Со словами, простите господин, советник сёгуна Эдо – монах начал говорить – я из Осаки, занимался изготовлением лечебных мазей и снадобий в храме на островах. Но два года назад, храм был разрушен и многие убиты, моя жена погибла в тот день, а сын стал свидетелем смерти матери и многих других, после чего он потерял речь. Забрав сына, мы скитались по городам и деревням, потом семь луны назад придя в Эдо, узнал о господине из поместья, то, что давно мы были с господином из поместья мечниками в отряде сёгуна. Вот и направился в поместье к господину, в поисках помощи. Он выдал разрешение на дом с землей, на территории этого дзиндзя, для проживания здесь, так же он передал деньги на строительство курамото для изготовления сакэ здесь. Закончив рассказывать, монах попросил прощения и сказал: это всё.

Вот оно как, с удивлением произнёс советник сёгуна, и спросил монаха, обладает ли он знаниями производства сакэ? Да, ответил монах. Тогда, продолжил говорить советник сёгуна, тебе придётся заменить документы, так как сейчас они не законны. Деньги полученные от господина он может оставить себе, для строительства курамото он может обращаться за помощью к старейшине деревни. Удовлетворившись тем, что монах не имеет отношения к жителям поместья, он решил было уходить. Как вдруг, два монаха позади нас, одновременно, начали просить прощения, и попросить выслушать их. Это заинтересовало советника, и он разрешил монахам говорить. Монахи поблагодарили вдвоем, но рассказывать начал один, а второй молчал. Из сказанного монахом позади нас, стало известно. Что один из зарубленных монахов – это каннуси дзиндзя, который пытался остановить осквернения хондэна, самураями сёгуна. А второй убитый в самом хондэне – это монах, который проводил молитвенные ритуалы в хондэне, и пытавшийся остановить вынос шинтая одного из ками хранителя этих мест, в виде серебряной чаши с изображением дракона внутри и древними надписями снаружи. Он был зарублен в самом хондэне. Так же, стало известно, что все древние рукописи со святыми текстами пропали. И они просят господина советника сёгуна Эдо разобраться во всём и посодействовать в скорейшем возвращении шинтая ками хранителя, ещё они попросили провести похороны согласно традициям и воле покойных,

а не как преступников. Выслушав рассказ, советник сёгуна охнул, и разрешил провести похороны как полагается, и подзвал человека из своей охраны, отдал распоряжения, которые мы не слышали, потом он обратился к монахам и сказал, что преступников найдут, и невежды, осквернившие хондэн, будут наказаны. Про рукописи и шинтай, советник ни чего не сказал. Потом осмотрев всех, добавил, это всё и направился к выходу.

Оставшись одни, вместе с монахами и мико, монах встал и попросил меня пойти вместе с мико, он будет занят некоторое время, потом он придёт за мной. Я встал и заметил, что мико уже протянули руки ко мне, чтобы помочь идти за ними, и я взял их за руки. Двое других монахов, подошли к монаху, который пришёл со мной, и начали обсуждение. Но разговора я уже не слышал, так как мы уже прилично отошли, и уже подходили к дому, только не стали заходить внутрь, левее от дома по тропинке мы уже прошли дом, где я увидел ещё строение и обширное пространство позади дома, в шесть раз больше переднего двора, но мы минуя маленький ручеек, русло которого было выложено камнями и вода шла из родника заднего двора дома. Зашли в тростниковые заросли и вышли к другому дому, который был поменьше. Меня привели в ванную комнату, где меня помыли в теплой воде и потом дали чистую одежду, переодевшись, я вышел во двор поискать мико, но сёдзи в комнату отодвинулась, и меня пригласили внутрь, там уже была приготовленная еда.

Я сел на свободное место, и мы приступили к еде. По завершению трапезы, они спросили, понравилось ли мне, я кивнул, и одна мико сказала, в следующий раз мне придётся попробовать её еду, и сказать своё мнение, в ответ я кивнул, в знак согласия со сказанным. Они вместе переглянулись, и одна отошла, вернувшись через мгновение с ручным колокольчиком, передавая его мне, она добавила: чтобы я звонил в колокольчик, если мне понадобится помощь, и они подойдут ко мне, но, к сожалению, они должны будут оставить меня одного, так как много еще чего надо сделать. Как они закончат с делами, они найдут меня. А сейчас я буду оставлен самому себе, так же, я могу гулять, где захочу, только попросили не выходить за стены дзиндзя. Я кивком ответил им, что всё понял, и они могут идти. Потом подошел к ступенькам дома и присел на них. Наблюдая за полетом стрекоз во дворе и движению тростника, колыхавшемся на ветру вместе со стрекозами, я заснул на ступеньках. Проснулся уже вечером от холода, когда солнце уже зашло, начал смотреть по сторонам и потирать ноги, чтобы стало теплее. Тут я заметил мерцание огоньков, я любил наблюдать за светлячками, и тут они тоже есть подумал я, продолжая наблюдать за светлячками. Потом я заметил монаха, который наблюдал за мерцающими огоньками, заметив то, что я уже смотрю на него, монах позвал меня. Я подошел к нему, и мы вошли в дом, он сказал подождать мне тут, и вышел. Вернулся он уже с горячей лампой и свертком, поставив на пол лампу,

она так же поставил сверток рядом со мной, и начал разворачивать его, внутри него оказался вареный рис и овощи, оставив, это передо мной он вышел, и вернулся с кувшином воды и чашками. Мы поели вдвоем, и потом он так же свернул в кулёк еду, которая осталась, и оставил возле стены. Потом, беря лампу, попросил меня пройти за ним. Снова пройдя заросли тростника, но уже с другой стороны, мы вышли на пространство, где находились здания хондэна и хайдэна. Под навесом находился каменный чан с водой, для омовений. Все тропинки были вымощены камнем. На центральном входе, в ряд друг за другом были тории, за которыми были уже ворота и стена, такая же, как и возле дома, где мы остановились, я тогда задумался о величине земли дзиндзя, и решил что земли тут больше во много раз, чем внутренняя часть поместья. Вдоль тропинок были высажены деревья, по листьям я узнал вишню, другие мне были не известны. Остановившись возле навеса, монах спросил меня, знаю ли я, как делается духовное очищение? Кивком головы, я ответил монаху, и направился к каменному чану, на кромке чана, нашёл бамбуковый ковшик с длинной ручкой, я зачерпнул воды ковшем, сполоснул ладони, потом налил в ладошку воды, сполоснул рот, и сплюнул в водосточную канавку обложенной камнем. Зачерпнул второй раз воды, я сполоснул ручку ковша, и поставил ковш на каменной кромке чана. Монах проделал то же самое, и вместе мы направились к хондэну. Внутри уже находились, два монаха, рядом две мико, и тела

убитых, которых вымыли и переодели, вокруг их тел были выложены лепестки цветов и у изголовья стояли чашки с дымящимися палочками. Мы сели возле тел убитых, и монах начал рассказывать: то к чему они готовились долгие годы, началось, ради процветания страны, пожертвовано многим и многими, но всё же, это лучшее из возможных решений. То что, произошло в поместье, печально, но неизбежно это произошло бы. То, что произошло в дзиндзя, было необходимым. Потом указал на каннуси, и сказал, что это мой дядя, и мой отец еще в детстве спас его и воспитывал. Мой отец не разрешал ему присоединиться к нам, пока три года назад у него не родился сын, с тех пор он, изменив документы, стал монахом и в прошлом году возглавил этот дзиндзя. Он, как и твой отец, императорских кровей. Дзиндзя было основано десять лет назад, вместе с деревней моим отцом на реке Тама, лучшие земли были отданы для деревни, а на непригодных для земледелия землях, твой отец построил поместье. Указывая на второе тело, монах сказал: хоть он из обычной семьи торговцев, без благородных корней, его верность крепче железа, и он переносил с необычайной стойкостью все трудности, встречавшиеся на его пути, и указал на правую сторону головы, там был уродливый шрам, на месте где должно было находиться ухо. Так же, на теле его еще больше шрамов. Обычный человек не справился бы и десятой частью того что он пережил. Однажды ему пришлось потопить французский боевой корабль, для усиления разногла-

сий между англичанами и французами. Используя смесь пороха и желтой серы для создания густого ядовитого дыма, которым тяжело дышать, плотно помещенную в бамбуковые сосуды, он вынудил всех матросов выйти на палубы в поисках свежего воздуха, где их он и перебил в одиночку. Потом забрав документы и книги из каюты капитана, устроил пожар в трюме, но он не успел покинуть корабль до взрыва, его подобрала утром на берегу рыбаки в тяжелом состоянии, но он выжил. Документы, полученные тогда, хорошо помогли нам, хотя долго не могли перевести то, что написано в документах, пока не выкрали человека владеющего французским и португальским. У него осталось большое потомство, потому, что он любил женское окружение. Потом прервавшись, монах произнес молитвы, поджег новые палочки и положил их в чашки у изголовий тел, добавив к тем, что уже дымились. Завершив это, монах повернулся к двум другим монахам, и начал говорить: это двое братьев близнецов, они из деревни Ига. Одни из последних хранителей секретов известной на всю страну деревни, они довели искусство убийства до таких высот, что даже императоры и сёгуны, боялись вызвать гнев жителей деревни, и она жила по своим законам, пока не пришло выжигающее пламя в деревню. Им ты можешь доверять, так же как и твой отец, так же как и я. Затем, указывая на мико, сказал: это старшие дочери покойного каннуси, тебе они приходится сёстрами, их отец долго не мог получить рождение сына, но с дочерьми ему по-

везло, у него их восемь, от трёх жён. После смерти матери, старшие дочери присоединились к отцу, когда он уже стал монахом, и они стали ему помогать. Им тоже можешь доверять, к тому же они твои сёстры. Помолчав, он начал говорить о себе: он родом из семьи бедного самурая из Осаки. В юности он встретил моего отца, который оказал поддержку его семье во время голода, и его семья пережила трудные времена, в то время он не мог приобрести себе мечи, и мой отец подарил ему свои, так он смог вступить на службу к сёгуну. И с тех пор, он помогал моему отцу во всём. Кроме его сына, от первого брака, ни чего не оставалось, так как жена погибла при разрушении храма на островах, но сын пожелал остаться вместо тебя в поместье, чтобы тебя посчитали мёртвым и не искали. Сказав это, он передал мне бумагу с написанным текстом: я хочу, чтобы он жил, прошу разрешить мне остаться, скучаю по маме. Зная, как он любил маму, я не смог отказать ему. Потом он передает мне сложенную шёлковую ткань, и говорит, это тебе передала твоя мама, я принял его и развернул, там был вышит цветок сливы, её любимый цветок и цветок родового дома её семьи, означавший пятерых потомков, основателя её рода от одной жены, и множество слив росло на землях её рода. Потом передал мне бумагу, со словами, это тебе передал твой отец: там был просто пустой лист бумаги, только в углу стояла его печать, где основной элемент, это круг, божественный символ. Потом он передал мне мешочек, в котором находилась печать

отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.